

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

**РАНЕСАРМАТСКАЯ
И СРЕДНЕСАРМАТСКАЯ КУЛЬТУРЫ
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ**

*Материалы семинара
Центра изучения истории и культуры сарматов*

ВЫПУСК I

ВОЛГОГРАДСКОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2006

О НОВЫХ ДАТИРОВКАХ И СТАРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СПОРНЫХ МОМЕНТАХ И БЕССПОРНЫХ ИСТИНАХ

Б.А. РАЕВ

Когда доказываешь, важно — что, еще важнее — чем, но самое важное — как.

Л. С. Клейн. Заповеди. 21

Не сумев реализовать приглашение «вживую» послушать доклады на первом семинаре Центра изучения истории и культуры сарматов, я благодарен их авторам (А.С. Скрипкину и И.В. Сергацкову) за возможность ознакомиться с текстами и за предложение участвовать в их обсуждении заочно. Сразу замечу, что позиции обоих мне близки, и если и вызывают какие-то замечания, то скорее частного характера.

Оба доклада посвящены темам, которые в последние годы, как показывает общение на конференциях и знакомство с публикуемыми работами по хронологии сарматских культур, стали наиболее дискуссионными. Нужно отметить, что оба доклада отличаются тем, что их авторы умело и исчерпывающе аргументируют свои выводы. Оказалось, что хорошо теоретически усвоенные нами принципы смены культур на деле, применительно к конкретным памятникам, часто «не работают», а если «работают», то зачастую приводят разных исследователей к разным результатам. А.С. Скрипкин да и И.В. Сергацков видят корень проблем в «разных подходах исследователей, в понимании и толковании ими процессов формирования и развития сарматских культур». Мне кажется, А.С. Скрипкин не договаривает: существует еще и проблема толкования без понимания. Часто нормой археологического исследования, которое по сути своей является, прежде всего, исследованием *источниковедческим*, становится вольное обращение с материалом, его игнорирование и выводы по принципу: *a posse ad esse*, что в логике доказательства *pop valet consequentia!*

Читая текст А. С. Скрипкина, я попытался представить суммированные им точки зрения на время формирования среднесарматской культуры разными исследователями и в разных регионах в виде таблицы (рис.). Полученная картина, кажется, адекватно отражает процесс постепенного становления среднесарматской культуры применительно к различным территориям. По справедливому замечанию автора, на пространстве от Урала до Венгрии этот процесс не был, да и не мог быть синхронным, не мог происходить по одной схеме. Но в сумме картина постепенного, с востока на запад, продвижения этого процесса видна. И различные точки зрения не противоречат одна другой, а дополняют друг друга.

Механизм трансформации раннесарматской культуры на всех территориях ее распространения примерно одинаков: на первом этапе появляются перечисленные А.С. Скрипкиным черты погребального обряда и набор предметов, которых нет в раннесарматской культуре, а сложение собственно среднесарматской культуры знаменует переход к новому обряду погребения. По общему мнению волгоградских археологов, в Нижнем Поволжье этот процесс заканчивается в первые десятилетия I в. н. э., в Причерноморье, по мнению А.В. Симоненко, растягивается до первых десятилетий II в. н. э. Начало же его и в Поволжье, и в Причерноморье относится ко времени не ранее первых десятилетий нашей эры. И здесь, мне кажется, нет того несогласия в вопросе о том, «к какому же времени относить разграничение ранне- и среднесарматской культур», о котором пишет А.С. Скрипкин

¹ Я намеренно не касаюсь Южного Приуралья как региона, с памятниками которого я знаком много хуже, чем с курганными древностями южнорусских степей.

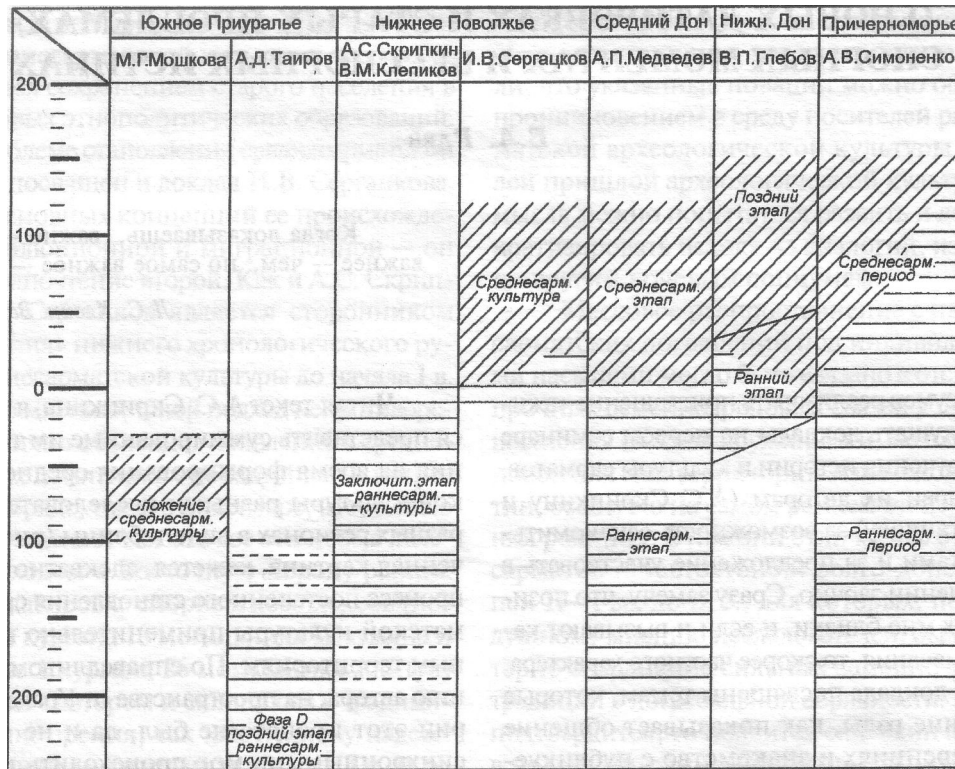

Рис.

Из этой более или менее устойчивой и аргументированной схемы выбивается территория Нижнего Подонья, где, согласно последним работам В.П. Глебова (ср., напр.: Глебов, 2004, с. 130 и след.), среднесарматский период начинается на 30—50 лет раньше. Попробуем разобраться, что служит основанием для того, чтобы так значительно опустить нижнюю дату среднесарматского периода в Подонье. А сдвиг этот значительный, особенно учитывая пристрастие автора к точным — до десятилетия! — датам, которые, по его мнению, позволяют установить так называемые «хроноиндикаторы»².

Вообще, нет ничего странного в том, что на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье переход к среднесарматской культуре мог начаться одновременно. Возможность передвижения носителей новой традиции в степи Восточной Европы двумя маршрутами: вдоль каспийского побережья (через Дарьял?) на Нижнюю Волгу и через перевалы Западного Кавказа в Подонье — как будто подтверждается тем, что в наиболее ранних погребениях этой волны есть не только принесенные из Закавказья импорты эпохи позднего латена, но и северокавказская керамика. Эту волну

² В последнее время все чаще этим магическим словом (видимо, в силу абсолютной иностранности и связанной с ней «научности»), в зависимости от заведомо ясной исследователю даты, «назначаются» те или иные — чаще импортные — предметы. На датированных возможностях античных импортных применительно к археологическим памятникам кочевников Евразии я имел возможность кратко остановиться в докладе, прочитанном на Северном археологическом конгрессе, и в опубликованных тезисах (Раев, 2002, с. 136). Этот вопрос, как и правомерность исторических реконструкций, основанных на датированных по импортным вещам комплексам, я надеюсь обсудить в специальной работе. Отмечу только, что подобные построения представляются мне скорее экстравагантными эскизами, нежели реалистичными картинами.

переселенцев могли составить участники иберо-парфянской войны 30-х гг. (Виноградов, 1994, с. 159—161). Коль скоро мне пришлось коснуться этого сюжета, замечу, что отождествление привлеченных армянами и парфянами союзников с аланами имеет право на существование. Отрицание такой возможности, как пишет Ю.Г. Виноградов «a limine», при всем моем искреннем уважении к автору и безусловном доверии к большей части его выводов, представляется неверным, как и любое действие a limine. Такое предположение как нельзя лучше вписывается в гипотезу о походе алан в 72 г. н. э. в Закавказье не с севера, из Приазовья, а через Гирканский проход с востока³, то есть по уже хорошо известному им маршруту.

Проникновение отдельных категорий восточных импортов (А.С. Скрипкин) и даже небольших групп аланских дружинников в степи Восточной Европы в I в. до н. э. привести к радикальным изменениям в культуре региона конечно не могло. Тем более что памятники первой волны привязываются преимущественно к Западному Предкавказью (Раев, Яценко, 1993, с. 111 и след.). Мне представляется возможным начало этого процесса связать с передвижением в Нижнее Поволжье и на Дон достаточно мощной аланской орды как раз после иберо-парфянской войны. Я слишком отвлекся, тем более что А.С. Скрипкин намеренно в этой работе пытается «избежать обсуждения этнических проблем».

Вернемся к началу моих заметок, к начальной дате среднесарматской культуры по В.П. Глебову. Основанием для передатировки служат ему всего два, — безусловно, интересных, но два! — погребения. Для этого понадобилось изменить датировку 30-летней дав-

ности одного и определить дату другого. Ничего особенного в этих процедурах нет, я отношусь к числу людей, которые реагируют на разумные доводы и всегда способны признать ошибочность каких-то своих выводов. Все дело в том, что А.С. Скрипкин называет «разницей в подходах».

В работах последних лет, в которых В.П. Глебов с завидным упорством камлает над этими двумя погребениями, он не только менторски призывает «отделять факты от предположений» и «внимательнее читать критикуемые статьи» (Глебов, 2002, с. 132 и сноска 2 на той же стр.), но и демонстрирует мастерское умение «прореживать» факты. Я остановлюсь лишь на некоторых датах и методах датировки, поскольку подробный разбор инвентаря погребений из кургана 26 у хут. Алитуб и кургана 13 могильника Шаумян сделан А. В. Симоненко (см. его статью в настоящем сборнике).

Считая себя достаточно «внимательным читателем» и не менее внимательным писателем, я был поражен, прочитав, что монеты из кургана 26 «первоначально неверно определены Б.А. Раевым» (Глебов, 2002, с. 134). Я не специалист в нумизматике и знаю, что позволить себе такого я не мог ни при каких обстоятельствах! Более того, я по возможности избегаю пространных толкований даже письменных источников, интерпретировать которые считается у моих коллег хорошим тоном (ср. выступление Б.А. Раева в дискуссии на VIII Донской археологической конференции в 2002 г.). Однако, на всякий случай (а ну как я корректуру плохо прочитал!), я посмотрел с. 44 в работе Раев, 1986 и в пассаже о монетах обнаружил сноску 418, отсылающую к сноске 55. Последняя звучит так: «The coins were determined by D.B. Shelow»⁴.

³ Несправедливым выглядит упрек «современным авторам» (археологам?) в том, что они исключают возможность вторжения аланов в Закавказье через Гирканский проход из Средней Азии (Балаханцев, 2000, с. 30). Автор, видимо, не знает, что после того, как ровно 100 лет назад появилась работа Е. Тейблера (Teubler, 1909), этот вопрос неоднократно обсуждался, в том числе и в археологической литературе (Ср.: Берлизов, 1997 с обширной, но не полной библиографией). Когда-то я, не отрицая такого направления аланской миграции, связывал появление богатых погребений в низовьях Дона с *походом* аланов из Приазовья в Закавказье в 72 г. н. э. (Раев, 1986, р. 62ff.; Раев, 1992, с. 79). Сейчас я склонен думать, что это был не поход, а *приход* после опустошительного рейда по Закавказью, начавшегося где-то к востоку от Каспия.

⁴ Чтобы избавить читателей от необходимости прибегать к словарю, привожу подстрочный перевод: «Монеты были определены Д.Б. Шеловым».

В публикации комплекса из Алитуба на более доступном языке «внимательный читатель» В.П. Глебов мог увидеть, что мнение о нумизматических потугах Б.А. Раева разделяется не всеми, кто знаком с этой работой. При не столько внимательном, сколько добросовестном прочтении, авторы публикации алитубского кургана считают, что «атрибуция монет [согласно которой (выделено мной. — Б. Р.) Б.А. Раев датировал алитубский комплекс] дискуссионна» (Засецкая и др., 1999, с. 59).

Коль скоро мне пришлось приобщиться к нумизматике, позволю себе высказать суждение о датирующих возможностях монет из кургана 26. Определявший монеты С.И. Безуглов, в высоком профессионализме которого я ничуть не сомневаюсь, допустил, по-моему, одну незначительную ошибку. На беду «внимательным читателям» он написал, что монеты вряд ли могли долго существовать и путешествовать со своей хозяйкой (Безуглов, 2001, с. 59). С этим трудно спорить, но здравое суждение было превращено в выгодное свидетельство вообще короткого существования монет (Глебов, 2002, с. 134). Однако, даже если это монеты эмиссии рубежа эр (а почему не 13/14 гг. н. э.?), когда Аспург еще не был царем, другом Рима, и не начал чеканить монеты с монограммой ВАР, то в обращении они, как минимум, могли быть до 37/38 гг. И видимо, были, если судить по их потертости, ну, а потом уже со своей хозяйкой путешествовали в качестве амулетов... Если даже гипотетически предположить, что дорогие вещи отправлялись в могилу с хозяином⁵, мы *никогда* не сможем точно определить время попа-

дания импортной вещи в степь. Если, конечно, не будет найдено какое-либо письменное свидетельство с датой передачи конкретной вещи. О возможности таких находок говорить не приходится!

Следующий хроноиндикатор, определяющий раннюю дату погребения из Алитуба, это ковш типа «Сиския». В.П. Глебов определяет его как «признанный хроноиндикатор», не отсылая, правда, к какому-либо источнику и не поясняя, кем признанный. Мне, конечно, лестно было читать такую оценку моей работы, поскольку наиболее полная характеристика ковшей типа «Сиския» дана только в книге Raev (1986, p. 28f.), но сам я отнюдь не считаю этот тип посуды надежным хроноиндикатором.

Об этом для внимательно читающего говорится и в предпоследнем абзаце соответствующего раздела упомянутой книги. Или В.П. Глебов не читал, или не понял того, что там написано. Строго говоря, ковш из этого погребения, как и второй, найденный в кургане 14 у ст-цы Багаевской, в 36 (!) км по прямой от хут. Алитуб, не являются ковшами типа Эггерс 136. Я не буду повторять здесь 30 лет тому назад описанные различия, которые, кстати, и заставили меня обозначить этот тип как «Сиския», чтобы отличить его от типа 136⁶. И ковши 136, и ковши «Сиския» всегда датировались периодом В., который, как известно, только начинается в первой половине I в. н. э., а заканчивается около 70 г. н. э. За прошедшее время коллекция пополнилась еще тремя экземплярами, найденными в Помпеях (Tassinari, 1993, typo Gil 10; эталонный

⁵ В зависимости от поставленной задачи, мы то отправляем их в могилу с хозяином, и тогда вещи уходят из оборота быстро, то передаем по наследству многим поколениям, и тогда дорогие (с нашей точки зрения, не обязательно совпадающей с мнением кочевника) вещи существуют в живой культуре многие десятилетия. Я не буду утруждать читателя десятком примеров как одного, так и другого подхода.

⁶ Это не единственный случай введения мной нового обозначения типа, который или не известен в Свободной Германии, или отличается от выделенного Г.-Ю. Эггерсом существенными деталями. К тем сосудам, которые вписываются в типологию последнего, я никогда не прикреплял своих ярлыков. И впредь не собираюсь. Не имея возможности, по понятным причинам, ознакомиться с работами советских коллег, М. Болла в коллективной статье 1986 г. сделала дробную классификацию ковшей типа 136. Ковши моего типа «Сиския» — это по ее классификации тип I, в котором, в зависимости от орнамента, выделяются варианты а, б, с (Bolla et al., 1986, p. 202, Fig. 6). Эта классификация применима и к нашим ковшам, поскольку среди них есть варианты и а, б.

экземпляр: там же, р. 93, №. 1768), что принципиально ничего в датировках этих ковшей не меняет. Как не меняет и сдвиг до 20-х гг. I в. до н. э. времени начала их производства (Petrovski, 1993, 36ff).

В манипулировании ковшом наиболее ярко проявился особый подход к (может, точнее, отход от?!) хроноиндикаторам, который выше я назвал «прореживанием фактов» (или «селекция аналогий» по А.В. Симоненко). В рассуждениях о ковшах типа 136 (на самом деле — «Сиския»), В.П. Глебов нигде даже не упоминает ковши из 14-го багаевского кургана, памятника хрестоматийного и территориально ближайшего, и кургана 43 у хут. Нового (80 км к востоку от Алитуба: Пууков 1986, 79f., Pl. 71, 2) \ которые относятся к концу 1-го или началу 2-го вв. н.э. (Raev 1986, 21f.; 35f.; 52f.; Пууков 1986, 230ff.)! Неужели автор, сосредоточив все свое пристальное внимание на раннем этапе среднесарматского периода, не знает о них? Скорее, дело в том, что в этих комплексах ковши находятся в контексте, который даже самые убежденные сторонники увода ранних памятников среднесарматского периода в I в. до н. э. вряд ли смогут передатировать и отнести ко времени раньше конца I в. н. э.

Так при ближайшем рассмотрении выглядит еще один «надежный хроноиндикатор».

Погребение из Алитуба кургана 26 и из 14-го багаевского кургана объединяет еще, по мнению авторов публикации кургана 26, отмеченная, но не верно интерпретированная

ими деталь погребального обряда. Это «узкий боковой вход-коридор», ведущий в яму (Засецкая и др., 1999, с. 59).

Близкими к обряду, зафиксированному в кургане 26, авторы полагают ямы, к краю которых по древнему горизонту «стелется узкая дорожка, "вымощенная" коричневым тленом». С тленом имеют дело все-таки уже археологи, а не участники погребальной церемонии, и в багаевском кургане такой детали нет. Квадратная яма в нем имеет три ниши в стенках (кроме западной), причем в восточной она расположена в центре, а в южной и северной смещена к восточной стене. Дно этих ниш на 0,3—0,5 м выше дна ямы (ср.: Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 159, 161/1961). Мне неизвестны ямы подобной конструкции.

Такая дорожка, как верно отмечено в публикации, ведет к могиле в кургане 28 у хут. Нового (Засецкая и др., 1999, с. 59). Близкими к ним авторы считают могилы, окруженные подковообразным выкидом⁸. С этим невозможно согласиться, так как по этому признаку можно объединить в одну группу такое огромное количество разнохарактерных ям, что по иным признакам они группу раздробят и приведут к уже существующей типологии сарматских могил.

Что же касается погребений с подходящими к ним дорожками, то этот список можно существенно расширить. Аналогичная «дорожка» была зафиксирована в курганах 3 и 4 Соколовского могильника. В первом она прослежена не только на краю могильной ямы,

⁷ Р. Петровски (1993, S. 38) ошибочно называет этот памятник «Третьяки», перепутав с опубликованным погребением из Воронежской области с ковшом типа Эггерс 140. Я вообще считаю, что ковши типа «Сиския» если чем-то и связаны с ковшами типа 136, которые Р. Петровски, вслед за Г.-Ю. Эггерсом (1951, S. 172, Beil. 58), называет «Blechkasserollen», то только формой тулова. Они не только имеют другое оформление ручек, но и сделаны не из жести, и, по всей видимости, не давлением на станке, а отлиты и затем отшлифованы. Минимальная толщина стенки ковша из кургана 43 у хут. Нового составляет 2 мм. Ковши «Сиския» заслуживают специального, в том числе и технологического исследования.

⁸ В двух работах из трех, приведенных в сноске на с. 59, я не смог найти соответствующих описаний. В монографии В.Е. Максименко (1998) на с. 89-92 описан обряд погребения среднесарматского времени, упомянуты только ровики над [видимо, опечатка, следует — «под» (?)— Б. Р.] и в насыпи. То же и в книге А.С. Скрипкина (1990). Здесь на с. 184,185 описаны диагональные погребения в квадратных ямах I—II вв. н. э. Зачем авторы, считающие датой арпачинского комплекса конец I в. до н. э. или рубеж эр (Засецкая и др., 1999, с. 60), приводят в качестве примера погребения, которые на 70—150 лет моложе,— для меня методическая загадка.

но и в параллельных бровках с СЗ от нее (Каталог, 1985, с. 17⁹). Здесь «дорожка» спускается к могильной яме погребения 1 по склону насыпи бронзового века. Дно ее было выстлано камышом, на дне в разных частях найдены золотые нашивные бляшки, бусы, фрагменты красноглиняного гончарного кувшина, а на участке, примыкающем к краю ямы, — бедренная и тазовая кости человека, золотые бляшки и наконечник стрелы.

В кургане 4 того же могильника от южной полы кургана к могильной яме шла траншея, дно которой было заглублено в материк на 10—15 см и выстлано камышом (Каталог, 1985, с. 23, табл. 19¹⁰).

Остатки такой же дорожки, примыкающие к могильной яме с запада, были обнаружены в диагональном погребении в кургане 38 Усть-Каменского могильника (Simonenko, 2002, Fig. 9).

Эта малораспространенная (а может быть, недооцененная и не всегда фиксируемая при полевых работах?) деталь погребальной конструкции, кажется, может найти свое объяснение в некоторых погребальных обрядах осетин, засвидетельствованных этнографами. Речь идет об одной из основных частей погребального обряда — оплакивании покойника, который восходит к древнейшим пластам индоиранских верований (Бесолова, 2003, с. 35 и след.). По мнению Е.Б. Бесоловой, в погребальном ритуале осетин дорога воспринималась как связующий элемент мира мертвых и живых и между терминами «обряд оплакивания» и «погребальная дорожка» можно поставить знак равенства.

Обратившись к археологическому материалу, в частности к скифским погребальным сооружениям под курганными насыпями, Е.Б. Бесолова нашла в них элементы, которые можно идентифицировать, как «погребальные дорожки» (Бесолова, 2003, с. 36). Мне кажется, что это определение можно приме-

нить и к описанным выше дорожкам в курганах среднесарматской культуры. Эта специфическая деталь погребального обряда является еще одним аргументом в пользу прослеживаемой многими авторами генетической связи скифских курганов и богатых курганов первых веков нашей эры. Особо нужно подчеркнуть, что в этой группе только курган 26 у хут. Алитуб пытаются датировать временем до рубежа эр. Четыре остальных комплекса относятся к концу I — началу II в. н. э.¹¹

Приведенные выше примеры убедительно свидетельствуют о том, что отмеченные В.П. Глебовым и И.Н. Парусимовым «дромось», ведущие к квадратным могильным ямам среднесарматского времени (Глебов, Парусимов 2000, с. 73), на самом деле являются именно такими «дорожками». В одном случае они заведомо неверно цитируют источник: в работе Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина (1992, с. 231) речь идет как раз о «дорожке»; во втором, сославшись на некачественные иллюстрации Каталога (1985), они не использовали возможности, предоставленные хранящимися у них полевыми чертежами Новочеркасской экспедиции ЛГУ 1969 и 1970 гг.

Вторым погребением, которое, по мнению В.П. Глебова, определяет начальную дату среднесарматской культуры на Нижнем Дону, является погребение из кургана 13 могильника Шаумяна, которое отмечено И.В. Сергацковым как ключевое для построений В.П. Глебова, наряду с погребением в кургане 26 у хут. Алитуб. Попробуем разобраться с некоторыми из вещей, определяющими время совершения этого погребения.

Один из основных хроноиндикаторов, которые определяют раннюю дату могилы, — черпак типа «Песчате». И впервые описав его (Глебов, 2000, с. 180), и в полной публикации комплекса (Глебов, 2002, с. 32 и след.) автор ссылается на мою консультацию. Меня интересует: сохранилась ли записка, переданная

⁹ На общем плане кургана (табл. 10) из-за малого масштаба «дорожка» не видна, а в профилях по ошибке не показана. Ср.: Отчет Л.С. Клейна о раскопках 1969 г. в архиве ИА РАН (Москва).

¹⁰ На профиле II (табл. 19) траншея пререзает только выкид. Дно ее на уровне погребенного горизонта.

¹¹ Есть, правда, предостережение того, что кардинальная передатировка скоро «прокатится» по всей среднесарматской культуре (Зайцев, Мордвинцева, 2003а, с. 94).

мной В.П. Глебову? Неужели я был так категоричен в датировках? Строго говоря, понять, что это котелок типа «Песчате», можно только по форме тулова. М. Кастольди выделяет 4 варианта черпаков, обозначив их буквами А—D, но причислить наш черпак к какому-либо из вариантов — невозможно. Черпак из кургана 13 настолько долго был в употреблении, пертерпел такие изменения, что говорить о том, что приделанная к нему в ходе ремонта ручка была первоначально его ручкой — рискованно. Если же допустить такую возможность, то тогда и черпак из кургана 13 могильника Шаумяна более или менее соответствует типу D М. Кастольди, самому позднему, у которого ручка заканчивается кольцом (Castoldi, 1991, p. 65). Этот вариант выделен по единственному черпаку, найденному в Парме. Ручка у него плоская, украшенная у атгаша, в центре и у противоположного конца перпендикулярными рельефными валиками. Заканчивается ручка головкой животного, в пасть которого вставлено мобильное кольцо для подвешивания (D'Andria, 1970, 124, No. 205, Tav. XLII). Там вместе с ним были обнаружены «другие сосуды позднеереспубликанской эпохи, например кружки типа «Идрия» варианта «Орнавассо» и другие объекты императорского времени (выделено мной. — Б. Р.), как например светильник в форме сандалии» (Castoldi, 1991, p. 67, nota 27).

Находок черпаков типов С и D нет в Европейской Кельтике, и потому точно датировать их трудно. По мнению М. Кастольди, их можно сопоставить и связать с материалами из городов, погибших при извержении Везувия (Castoldi, 1991, p. 67).

Не убеждает меня и слабо аргументированная хронология керамических сосудов. Один из них, крупный кувшин по «характерным примесям в тесте» (каким!?) и креплению ручки отнесен к посуде, характерной для Центрального Предкавказья. Не могу заподозрить автора в том, что он не знаком с подобным способом крепления ручки у кувшинов Западного Предкавказья. А сравнивать *корчаги* III—I вв. до н. э. с высоким горлом и *кувшины*, ко-

торые потому и кувшины, что у них высокое горло, по-моему, некорректно. Обратившись к тому же источнику (Абрамова, 1993), можно найти гораздо более близкие аналогии второму серолощеному сосуду с приземистым туловом, горлом, украшенным несколькими опоясывающими желобками («гофрированным»), и боковой петельчатой ручкой (с. 135, рис. 49). В.П. Глебов, наверное, видел этот рисунок, но сосуды на нем не устроили его: они датированы М.П. Абрамовой I — началом II в. н. э. и никак не вписываются в его схему.

Как и в случае с монетами из кургана 26 у хут. Алитуб, удивляет необыкновенная легкость в оценке времени обращения монет из этого погребения, даже если речь не идет об использовании их в качестве средства платежа или наследуемого имущества. Почему автор публикации шаумяновского кургана уверен в том, что надчеканенные монеты из него «обязательно перемешались бы с ненадчеканенными последующих выпусков» (Глебов, 2002, с. 32)? Мы в этом погребении банк взяли или это клад, в котором накопление монет происходит длительное время, и только время попадания в землю единовременно?

А как быть с бусами, даты которых В.П. Глебов вынужден назвать суммарно I—IV вв. н. э., но при определении общей даты захоронения они просто игнорируются?

Что касается канфара (может быть, и чаши с одной ручкой?), то могу обрадовать В.П. Глебова: по некоторым признакам этот сосуд более древний, чем ему представляется по аналогиям в Поволжье и Прикубанье, что, впрочем, ровным счетом ничего не меняет. Тем более что, датируя комплекс, он в очередной раз «пропальвает» факты и забывает, как и в случае с бусами и лагиносом, о верхних датах существования аналогий. При этом несколькими строчками выше поздние даты этих вещей названы, автор знает о них. Видимо, В.П. Глебовым слишком прямолинейно воспринято предостережение М.Б. Щукина от использования принципа датировки по самой поздней вещи¹². Но ведь несколькими стро-

¹² Раньше, впрочем, В.П. Глебов придерживался иной точки зрения, ср.: «Дата же всего комплекса, по-видимому, **должна быть несколько позже даты наиболее поздней вещи** (выделено мной. — Б. Р.)» (Глебов, 2000, с. 180).

ками ниже Марк Борисович и широкую, менее надежную дату не рекомендует сбрасывать со счета (Щукин, 2004, с. 232). Эта дата вообще единственно возможна в случаях переживания вещей, с которыми мы сплошь и рядом сталкиваемся в сарматских погребениях и количественно оценить которые невозможно (Лесман, 1997, с. 17). Может быть, есть смысл попробовать прочитать 7-й тезис М.Б. Щукина «от противного»? Тогда помещение комплекса на хронологической шкале по самой ранней вещи неизбежно приведет к заниженной датировке. Попытки компромиссной датировки отдельных могил, которые предлагает И.В. Сергацков, пытаясь примирить сторонников «длинной» и «короткой» хронологий, являются той самой золотой серединой между двумя крайностями, которая есть «всего лишь третья крайность. Ее нужно доказывать особо» (Клейн, 1999, с. 23).

Работы последних лет, в которых авторы пытаются пересмотреть датировку и доказать большую древность известных памятников, производят странное впечатление. Как только речь заходит об импортных вещах, тексты нагружены информацией, сносками на соответствующую зарубежную литературу, выводы авторов выглядят солидными и убедительными. А вот разделы, посвященные вещам местного производства — керамике, украшениям, предметам вооружения и пр., поражают невразумительностью общих положений. Ярким примером такого текста как раз и является публикация комплекса из кургана 13 могильника Шаумяна¹³.

Это общая беда отечественной археологии, которая в силу целого ряда обстоятельств (скорее, родовых травм) переходит к абсо-

лютной хронологии, минуя относительную (Клейн, 1993, с. 58 и след.). Для этой методически некорректной схемы исследования и приходится привлекать импортные вещи, которые имеют более или менее устоявшиеся датировки¹⁴. В наших работах как магическое заклинание звучит словосочетание «шкапа европейской хронологии». Эти попытки «поднять из некошенной травы в геометрическую правильность Европы» (Ю. Лорес) всегда напоминают мне известную притчу о халве и вкусе во рту. И буде автору удастся хоть каким-то боком пристегнуть наш комплекс к этой шкале, по его мнению, успех обеспечен.

На самом деле это не так. Любезная нам «шкала» является результатом многолетней работы многих исследователей над шкалой *относительной хронологии*, которая строилась на вещах совсем не импортных. Последние начинают «работать» только на этапе перехода к абсолютной хронологии. В Европе, где даты закладки лагерей или их разрушения, даты перехода варварами границ и пр. зачастую известны с точностью до месяца, такие хронологические реперы и являются «колышками», к которым пристегивается относительная хронология. И тогда только можно говорить о каких-то датах замкнутых комплексов, в том числе и не содержащих импорты, но включенных в систему. Но ведь эта работа начинается, повторюсь, с создания относительной хронологии! Лишь она гарантирует примирение и выработку общего мнения сторонников «длинной» и «короткой» хронологий, как это произошло в Европе.

Нижний Дон как раз является уникальной для Азиатской Сарматии и удивительно подходящей для решения подобной задачи

¹³ Если В.П. Глебов считает возможным для себя объяснять коллегам методику научного исследования, я думаю, это право есть у меня «по умолчанию». Я и реализую его в нескольких следующих абзацах.

¹⁴ Некоторые датировки итальянской посуды можно, конечно, пересмотреть, исходя из шатких дат наших погребений. Абсолютная методическая абсурдность таких попыток уже отмечалась (ср., напр.: Раев, 1986, р. 17, note 108). Судя по ссылке В.П. Глебова (2005, с. 39; — я благодарен И.И. Марченко, который обратил мое внимание на эту только что опубликованную и еще не просмотренную мною работу) «на впечатление» (выделено мной. — *Б. Р.*) от знакомства с материалами некрополя Орнавассо», которое сложилось у Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой (Зайцев, Мордвинцева, 2003б, с. 145, примеч. 5), в методах археологического датирования намечается серьезный прорыв. Неужели такое серьезное издание, каким являлась всегда «Российская археология», превратилось в оккультный журнал, где ссылка на «впечатление» приобретает статус научного аргумента?

территорией. Здесь есть прекрасно раскопанные крупные грунтовые могильники городищ и Танаиса. Керамические и иные материалы этих памятников широко представлены в курганных захоронениях окружающей варварской периферии. Но корреляционный анализ могильников и создание на их основе шкалы относительной хронологии, включение в схемы материалов курганных захоронений — работа долгая, рутинная, с отодвинутым в неясные перспективы результатом. Учитывая небольшие датирующие возможности импортов в контексте кочевой культуры, ее конечный результат может свестись к датировкам в пределах все тех же 20—30 лет, но в этом случае датировкам точным в пределах возможного! Выглядит, конечно, эта работа много менее эффективно, чем велемудрое жонглирование «европейской хронологией», непрофессиональный, как правило, анализ письменных источников и на его основе передвижки по карте масс кочевников, столкновение империй, пыль (из-под копыт) и перья (плюмажей и сомневающих оппонентов).

Но, к сожалению, этот полный тяжелых и неблагодарных усилий путь — единственный путь, в конце которого мы сможем закончить с плохо аргументированной разногласий нашей хоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М.

Балахванцев А.С., 2000. Вторжение аланов в Мидию и Армению в 72—73 гг. н. э.: новая интерпретация // Древность: историческое знание и специфика источника: Материалы конф., посвященной памяти Э.А. Грантовского, 3—5 октября 2000 г. М.

Безуглов С.И., 2001. Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону // Донская археология. Вып. 1—2. Ростов н/Д.

Берлизов Н.Е., 1997. Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // Историко-археологический альманах. Вып. 3. М.; Армавир.

Бесолова Е.Б., 2003. О семантике ритуального оплакивания осетин иронвоендаг // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тез. докл. межрегион. науч. конф. (г. Ставрополь, 24—26 апреля 2003 г.). Ставрополь.

Виноградов Ю.Г., 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. № 2.

Глебов В.П., 2000. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара.

Глебов В.П., 2002. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // Донская археология. № 1—2.

Глебов В.П., 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Глебов В.П., 2005. О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // НАВ. Вып. 7.

Глебов В.П., Парусимов И.Н., 2000. Новые сарматские погребения в долине реки Сал (о соотношении раннесарматской и среднесарматской культур) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов н/Д.

Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И., 2003а. «Ногайчикский» курган в степном Крыму // РА. № 4.

Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И., 2003б. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // РА. № 2.

Засецкая И.П., Илюков Л.С., Косяненко В.М., 1999. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. № 2.

Каталог, 1985. Каталог археологических коллекций: (Соколовский курганный могильник) / Сост.: Т.А. Алешина, Ф.Р. Балонов, М.И. Крайсветный, Б.А. Раев; Новочеркас. му-

зей ист. донского казачества; Ред. Б.А. Раев. Новочеркасск.

Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.

Клейн Л. С., 1999. Заповеди участникам археологического семинара Л. С. Клейна (год чеканки 1964—1995) // *Stratum plus.* № 3.

Лесман Ю.М., 1997. Вероятностная датировка комплексов однократного формирования // *Stratum + ПАВ.* СПб.; Кишинев.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // *Донские древности.* Вып. 6.

Раев Б.А., 1992. Аланские походы в Закавказье. Археологические данные // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. междунар. конф. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь.

Раев Б.А., 2002. О характере и путях проникновения итальянских и восточно-эллинистических импортных изделий в северные регионы Евразии // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск.

Раев Б.А., Яценко С.А., 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор: Материалы конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.

Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Щукин М.Б., 2004. Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена, римского времени и сарматской археологии (пятнадцать апрельских тезисов) // Сарматские культуры Евразии:

проблемы региональной хронологии: Докл. к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Bolla M., Castoldi M., Terenziani L., 1986. Recipienti in bronzo d'eta romanain Lombardia // *Scritti in ricordo di Graziella Massari Gaballo e di Umberto Tocchetti Pollini.* Milano.

Castoldi M., 1991. Simpula a due pezzi a manico orizzontale // *La vaisselle tardompublicaine en bronze. Actes de la table-ronde CNRS organisHe a Lattes du 26 au 28 avril 1990.* Dijon.

D'Andria F., 1970. I bronzi romani di Veleja, Parma e del territorio parmense // *Contributi dell'Istituto di archeologia. Universita Cattolica del Sacro Cuore, III.* Milano.

Eggers H.-J., 1951. Der romische Import im freien Germanien. *Atlas der Urgesch., 1.* Hamburg.

Ilyukov L.S., 1986. Grave 43 in the Barrow Cemetery «Novyj» II *BAR Int. Ser. Vol. 278.* Oxford.

Petrovski R., 1993. Studien zu romischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln (Kölnner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. Bd. 1). Köln.

Raev B., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin // *BAR Int. Ser. Vol. 278.* Oxford.

Simonenko A. V., 2002. Sarmatian relics of the «Eastern Wave» in the North Pontic Region II *Silk Road Art and Archaeology.* Vol. 8.

Tassinari S., 1993. Il vasellame Bronzeo di Pompei. Roma.

Teubler E., 1909. Zur Geschichte der Alanen // *Klio.* Bd. IX. Leipzig.